

А.Смирнов

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ВАРШАВЫ

DOI:10.20542/2073-4786-2018-2-29-46

Драматические перемены во внутренней политике Украины, произошедшие четыре года назад, наиболее отчетливо и остро воспринимаются в контексте того «кумулятивного» эффекта, который они оказали на внешнеполитическое положение страны. Это закономерно, поскольку сама динамика «революционных процессов», приведших к смене власти и всего политического строя на Украине, определялась воздействием внешних факторов и заинтересованных сил. Действительно, события «майданной революции» в Киеве послужили отправной точкой для самого масштабного и глубокого кризиса в отношениях России и стран Запада со времен завершения холодной войны. Столь же верно и то, что они стали роковой вехой, разделившей российско-украинские отношения на «до» и «после» Майдана.

Однако было бы несправедливо рассматривать происходящее в категориях необратимого, с каждым годом углубляющегося геополитического разлома между Москвой и Киевом, как это представляют идеологи «евроукраинского проекта». Разумеется, в рамках подобных представлений Украина прочно ассоциирована с остальным «цивилизованным миром», а «европейский выбор» страны безальтернативен.

Констатируя общую несостоятельность этих представлений, следует обратить внимание на ярко выраженную имманентную проблемность, присущую в целом внешней политике «постмайданной» Украины. Эта проблемность проявляется в форме резких и зачастую не вполне адекватных действий украинской дипломатии, вынужденной «обслуживать» и транслировать агрессивно-националистический курс киевских властей. Нетрудно заметить, что смена «геополитического вектора», предпринятая Киевом в 2014 году и приведшая к противостоянию с Россией, далеко не исчерпывает проблемный потенциал, накопленный «незалежной державой».

Вопреки официально заявленному курсу на сближение с объединенной Европой, новые украинские власти постоянно создают у своих западных партнеров поводы для беспокойства. Уже к моменту «майданной революции» Украина воспринималась европейским политическим сообществом как «чемодан без ручки». Теперь же все большую тревогу и озабоченность вы-

зывает непонятное содержимое этого «чемодана», «оставленного» «под окнами» Евросоюза как наследство геополитических потрясений минувшего столетия.¹

Естественным и предсказуемым следствием победы Майдана стала напряженность в отношениях Украины с ее восточноевропейскими соседями. Особенно показательна эволюция, происходившая в сфере польско-украинского внешнеполитического взаимодействия. Попробуем проследить основные тенденции данных процессов, уже проявившиеся с достаточной четкостью и весьма симптоматичные для понимания того пути, по которому в реальности следует Киев.

На протяжении десятилетия между «оранжевой революцией» 2004 г. и переворотом в Киеве 2014 г. польско-украинские отношения развивались достаточно ровно. С польской стороны фундаментом для них служила глубоко укоренившаяся идея, в той или иной мере воспринятая всем политическим сообществом, о признании особой исторической ответственности Варшавы за геополитическую судьбу и прозападную ориентацию Украины. Идея эта развивалась в русле традиционного польского «прометеизма», воплощавшего всемерное содействие любой борьбе за освобождение от власти и влияния «московской деспотии».

Политические деятели, мыслящие в категориях «прометеизма», ставят во главу угла задачу «продвижения демократии» на постсоветском пространстве с последовательным расширением круга европейски ориентированных государств. Поддержка «прогрессивно мыслящих сил» должна ускорить их закономерный приход к власти и обеспечить «естественную» замену авторитарных режимов демократическими. Политическое просвещение Украины виделось весьма значимым этапом на этом нелегком пути, что позволило бы Польше и всему западному миру обрести важного стратегического союзника, разделяющего их интересы и ценности.

Наиболее обоснованный подход к проблеме польско-украинского партнерства вписывался в рамки «компенсационных» представлений об особой геополитически оправданной цене, якобы «заплаченной» Варшавой путем раздела части исторических владений Речи Посполитой между Литвой, Украиной и Белоруссией. Выигрыш польской стороны видится здесь в том, что лишившись Вильно, Львова и Гродно, она придала устойчивый

¹ Вполне откровенно на этот счет высказался глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, заявивший в марте 2016 года, что вопрос о членстве Украины в Евросоюзе можно будет поставить не раньше, чем через 20–25 лет (<https://www.rferl.org/a/juncker-says-ukraine-not-likely-join-eu-nato-for-20-25-years/27588682.html>).

«западный импульс» национальному развитию трех упомянутых постсоветских государств.

Эти представления составили основу так называемой доктрины Гедройца–Мерошевского, возникшей в 1970-х гг. в среде польской эмиграции и получившей дальнейшее развитие на фоне распада Советского Союза. Соответственно, если придерживаться положений этой доктрины, литовские, украинские и белорусские националисты утрачивают всякий повод для враждебности по отношению к Варшаве и превращаются в ее надежных союзников, совместно противостоящих «имперским посягательствам» Москвы.²

Активное участие польских политиков в событиях «оранжевой революции» и «Евромайдана» является наглядным примером реализации избранной стратегии, обеспечивающей «отрыв» Украины от России. В контексте долгосрочных национальных интересов Польши достижение подобной цели рассматривалось как безусловное благо. Впрочем, упомянутые события, позитивные для Польши с геополитической точки зрения, послужили поводами и для нарастающего беспокойства официальной Варшавы, столкнувшейся с бурным ростом агрессивного украинского национализма.

«Оранжевая революция» 2004 г. всколыхнула польское общество, придав дополнительную уверенность в осуществимости и необходимости перевода Украины на «западные политические рельсы». Массовые протесты, организованные оппозицией на улицах Киева, были восприняты как неоспоримое свидетельство европейского цивилизационного выбора украинцев, а победа оппозиционного кандидата В.Ющенко в толковании радикального «прометеизма» означала их окончательное освобождение от «ярма с востока».

Показательно, что на тот момент столь однозначные идеологические оценки происходящего были характерны именно для Польши, в то время как на Украине антироссийские настроения еще не стали определяющими для противников действующей власти. Понадобилось целое десятилетие «кропотливой работы», чтобы новая волна протеста поднялась уже под «правильными» лозунгами, отвечающими установкам западных кураторов.

За шесть последующих лет в политической жизни страны произошел ряд важных событий, если не обесценивших полностью «завоевания» укра-

² Мерошевский Ю. Польская «Ostpolitik». Имеют ли какой-то смысл рассуждения на тему польской восточной программы? (<https://inosmi.ru/world/20050923/222489.html>); Мерошевский Ю. Российский «польский комплекс» и территория УЛБ // Континент, 1975, №4. С. 321–339.

инской революции, то существенным образом повлиявших на перспективы их признания на Западе. Распалась коалиция, пришедшая к власти в 2004 году, был отправлен в отставку кабинет Ю.Тимошенко, обвиненной президентом Ющенко в «экономическом авантюризме», резко упал рейтинг самого Ющенко. В итоге прозападные силы Украины постепенно утратили бразды правления.

Логическим финалом стало их поражение на президентских выборах 2010 г., принесших победу кандидату от Партии регионов Виктору Януковичу. Как бы то ни было, после многих громких слов и клятвенных обещаний политика Украины на международной арене так и не приобрела однозначно прозападной ориентации. Отчасти это обуславливалось ее внутривнутриполитической дихотомией и теснейшими экономическими связями с Российской Федерацией, а отчасти было связано с резким неприятием самим Европейским союзом идеи форсированной евроинтеграции Киева, к чему так громко и настойчиво призывали поляки.

На фоне умеренно теплых отношений Варшавы с Киевом и стабильно прохладных отношений с Москвой все более пристальное внимание польского политического класса обращалось к «обратной стороне» «незалежности» восточного соседа. Мотивированный антипольский посыл, исторически присущий украинскому национализму, всегда был досадным раздражителем для Варшавы, а болезненно обостренная историческая память не позволяла примириться с обидами, причиненными Польше в XX веке.

Однако, пока идеология национальной исключительности оставалась на периферии украинского политикума, интенсивно внедряясь при этом в массовое сознание граждан, официальная Варшава предпочитала «не замечать» происходящего. Ситуация существенным образом поменялась после политических потрясений 2004 года, изменивших расстановку сил в украинском обществе и придавших мощный импульс активности националистов. По мере того как внутриукраинские противоречия выходили на новый уровень, риторика польских политиков стала ужесточаться.

На протяжении ряда лет, начиная с «оранжевой революции», власти Польши регулярно делали заявления о неприемлемости прославления Организации украинских националистов (ОУН) и ее боевого крыла – Украинской повстанческой армии (УПА-ОУНб) как организаций, причастных к массовому истреблению поляков в годы Второй мировой войны. Причем в таком духе высказывались не только представители властных структур, но и оппозиционные деятели различной политической окраски. Тон задавали правые консерваторы, усматривавшие в идеях украинских «коллег» прямой вызов Варшаве. И в период нахождения у власти, и после, пребывая в оппозиции,

они выражали обеспокоенность воинственно-шовинистическими взглядами части украинского истеблишмента.

На начальном этапе президентства Ющенко в отношениях Киева и Варшавы еще присутствовал определенный романтизм, позволявший надеяться, что со временем двум странам удастся «примирить» своих националистов, расставшись с «недоброй» исторической памятью и сосредоточившись на общей «угрозе с востока».³ Впрочем, вскоре возобладал более прагматичный подход. Одной из базовых предпосылок стало кураторство Польши над инициированной в 2008 году программой «Восточное партнерство», которая предполагала углубленное сотрудничество между Евросоюзом и рядом постсоветских государств (Белоруссией, Украиной, Молдавией, Грузией, Азербайджаном и Арменией) с довольно туманной перспективой последующего присоединения ее участников к европейскому интеграционному проекту. Украина пользовалась особым расположением польской стороны и заботливо опекалась ею на пути к ассоциированному членству в ЕС, которое, правда, не давало никаких гарантий дальнейшего включения в клуб «полноценных» европейцев.

К 2013 году, когда договор об ассоциации Украины с ЕС находился уже «на столе», «европейская перспектива» для Киева являлась едва ли не основным положением внешнеполитической повестки Польши в отношении своего «протеза». Основным, но не единственным, поскольку в том же году официальная Варшава дала свою оценку событиям 70-летней давности, связанным с так называемой «резней на Волыни». В 1943 году от рук националистов из Украинской повстанческой армии погибло огромное количество (по разным оценкам – от 50 до 120 тысяч) поляков, проживавших в юго-восточных провинциях довоенной Польши.

За годы существования Третьей Речи Посполитой волынская трагедия уже стала важной частью польской внутривнутриполитической дискуссии. Теперь же накал эмоций достиг очень высокого уровня, а сама тема активно обсуждалась не только представителями политических партий, но и первыми лицами государства. Президент Республики Польша Бронислав Коморовский назвал истребление мирных граждан, учиненное бойцами УПА, «преступлениями с признаками геноцида».⁴ Схожая формулировка – «этни-

³ Ostra odpowiedź Prezydenta na Ukraińską decyzję// PolskieRadio, 04.02.2010 (<http://www.polskieradio.pl/5/115/Artykul/184548,Ile-trzeba-zarabiac-zeby-zaprosic-goscia-z-Ukrainy>).

⁴ Wzajemnie pojednanie buduje się na prawdzie. 11 lipca 2013 (<http://www.prezydent.pl/archiwum-bronislawa->

ческая чистка с признаками геноцида» фигурировала в резолюции Сейма, принятой 12 июля 2013 года.⁵

Некоторые депутаты польского парламента даже использовали в отношении волынских событий понятие «геноцид», хотя в окончательной редакции документа оно было заменено менее жесткой формулировкой. На смягчении настоял министр иностранных дел Радослав Сикорский, полагавший, что более жесткий характер резолюции может негативно сказаться на перспективах европейской интеграции Украины.⁶ Более того, в текст резолюции Сейма было включено упоминание о тех украинцах, которые подвергались опасности и даже отдавали свои жизни, защищая польское население либо пряча у себя от расправы польские семьи.

Тем самым, польские парламентарии сделали явный шаг в сторону Украины, призванный отчасти компенсировать морально-репутационный ущерб Киева от болезненной политизации прошлого. Следует отметить, что депутаты от правоконсервативных партий «Право и Справедливость» (ПиС) и «Солидарная Польша», настаивающие на признании польской национальной трагедии 1943 года геноцидом, воздержались при голосовании, поддерживая саму суть резолюции, но не ее формулировки.⁷

Учитывая, что организаторы и вдохновители Волынской резни являются культовыми фигурами в мифологии современного украинского национализма, действия польской стороны имели вполне определенный политический подтекст, адресованный Киеву. Он состоял в следующем: Речь Посполитая не намерена впредь замалчивать неудобные для Украины эпизоды совместного прошлого или смягчать их оценки из соображений «добрососедства». Украинским национал-радикалам фактически предлагалось признать преступления своих идейных предшественников и осудить их. В то же время либеральные консерваторы, задававшие тогда тон в политике Варшавы, явно остерегались слишком ужесточать риторику, дабы не подорвать

komorowskiego/aktualnosci/wydarzenia/art,2627,wzajemnie-pojednanie-buduje-sie-na-prawdzie.html).

⁵ Uchwała Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 20 czerwca 2013 r. w 70. rocznicę Zbrodni Wołyńskiej (https://pl.wikisource.org/wiki/Uchwała_Senatu_Rzeczypospolitej_Polskiej_z_dnia_20_czerwca_2013_r_w_70_rocznicę_Zbrodni_Wołyńskiej).

⁶ Radosław Sikorski: Apeluję o przezwyciężenie emocji // Sejm przyjął uchwałę ws. zbrodni wołyńskiej. Odrzucił "ludobójstwo" (<http://natemat.pl/68041,sejm-glosuje-nad-zbrodnia-wozynska-odrzucono-juz-ludobojstwo>).

⁷ Sejm przyjął uchwałę ws. zbrodni wołyńskiej. Odrzucił "ludobójstwo" (<http://natemat.pl/68041,sejm-glosuje-nad-zbrodnia-wozynska-odrzucono-juz-ludobojstwo>).

отношения с официальным Киевом накануне его официального вовлечения в политическую орбиту Евросоюза.

Недвусмысленный «сигнал» из Варшавы, вызвавший достаточно широкий общественный резонанс, был принят и понят киевскими властями, однако внятная официальная реакция на него так и не последовала. На Украине сложилась своя, весьма непростая ситуация внутривнутриполитического раскола, и тема Волынской резни затрагивалась лишь в контексте разгоравшейся борьбы. Ее проявлением стало обращение к польскому Сейму, подписанное 1 июля 2013 года 148 депутатами Верховной Рады, с призывом признать Волынскую трагедию геноцидом польского народа и осудить преступные деяния украинских националистов. Число подписавших составило около трети всего депутатского корпуса. Среди них были 119 представителей Партии регионов, 23 депутата от Компартии и 6 внефракционных депутатов.⁸

Необходимость и своевременность осуждения геноцида обосновывалась депутатами двояко. С одной стороны, парламентарии апеллировали к долгосрочным интересам укрепления польско-украинских отношений, подчеркивая, что разночтения в трактовке волынского преступления «вбивают клин между двумя странами». С другой стороны, во главу угла ставилась политическая актуальность этого шага, обусловленная сложившимися условиями развития украинского государства (ростом ксенофобских, антисемитских и неонацистских настроений на Украине). Обращение «регионалов» и примкнувших к ним представителей Компартии было, по сути, направлено на то, чтобы «поднять» борьбу против украинского национализма на международный уровень и перевести ее в плоскость отношений двух стран.

Нельзя сказать, что инициатива украинских депутатов осталась незамеченной в польском Сейме. Там даже дали слово представителю «пророссийской» Партии регионов Вадиму Колесниченко, который вновь попросил признать и осудить факт геноцида.⁹ Но на результаты голосования это вряд ли повлияло — Волынская трагедия прочно вписана в польскую политическую повестку, и украинской стороне в ней изначально определена роль ответчика.

Резко негативно на депутатское обращение к польскому Сейму, а затем и на саму принятую им резолюцию, отреагировали украинские национа-

⁸ Депутаты от Партии регионов и КПУ попросили польский сейм признать Волынскую трагедию геноцидом поляков. 5 июля 2013 (https://zn.ua/POLITICS/deputaty-ot-partii-regionov-i-kpu-poprosili-polskiy-seym-priznat-volynskuyu-tragediyu-genocidom-polyakov-125190_.html).

⁹ W Sejmie debata nad uchwałą o zbrodni wołyńskiej. 10.07.2013 (<http://dzieje.pl/aktualnosci/w-sejmie-debata-nad-uchwala-o-zbrodni-wolynskiej>).

листы. Не менее жестко высказался и бывший президент Украины Леонид Кравчук, назвавший обращение «антиобщественным и антинациональным шагом, который может быть приравнен к национальной измене».¹⁰

Разумеется, апологетам украинской «незалежности» не хотелось бы раз за разом «спотыкаться» о тему Волынской резни, поскольку тема эта «токсична» в первую очередь для самой Украины. Из подобных соображений делаются отсылки к «определенным силам», якобы злонамеренно не дающим утихнуть «общей» боли. Такой взгляд на проблему в общем приемлем для украинцев, но совершенно не подходит для польского общества, поскольку в сознании большинства поляков кровавые события на Волыни, действительно, остаются незаживающей раной, а к «определенным силам», манифестирующим вину украинских националистов, принадлежат практически все политические силы нынешней Речи Посполитой.

В 2013 г. праворадикальная «Свобода» оказалась единственной политической партией, открыто выступившей против польской резолюции.¹¹ Что же касается оппозиционных партий прозападной ориентации, стоящих на позициях «державного» национал-патриотизма («Батьківщина», УДАР), то избранная ими стратегия заключалась в отсутствии публичной реакции на резолюцию польского Сейма и на «волынскую проблему», как таковую.

В преддверии уже запланированного подписания договора об евроассоциации украинские национал-патриоты посчитали несвоевременным возвышать голос против союзников и покровителей из Варшавы, хотя явно были недовольны случившимся. Ведь многие деятели «Батьківщини» и близких ей по духу партий отнюдь не скрывали симпатий к «героям освободительного движения», видя в них опорные образы для «истинно украинской» идентичности, которую и начали усиленно насаждать после победы «Евромайдана».

В разгоревшейся «войне» резолюций, обращений, заявлений и контрзаявлений позиция официального Киева выглядела весьма сдержанной. Президент В.Янукович демонстрировал поистине стоическое спокойствие, видимо, посчитав лучшей реакцией на происходящее многозначительное молчание и даже некоторую отстраненность от разгорающегося конфликта. На

¹⁰ Леонид Кравчук: Заявление 148 украинских депутатов – антиобщественный, антинациональный шаг, который может быть приравнен к национальной измене, 12 июля 2013 (<http://day.kyiv.ua/ru/news/120713-leonid-kravchuk-zayavlenie-148-ukrainskih-deputatov-antiobshchestvennyy-antinacionalnyy>).

¹¹ Część Ukraińców przeciw wizycie prezydenta Komorowskiego (<https://www.polskieradio.pl/5/3/Artykul/879484,Czesc-Ukraincow-przeciw-wizycie-prezydenta-Komorowskiego>).

протяжении следующего полугодия официальный Киев старательно делал вид, что исторические корни польско-украинского конфликта уже не имеют власти над современными двусторонними отношениями. Во время октябрьской встречи в Кракове Янукович и Бронислав Коморовский старательно обходили тему ответственности за Волынскую резню. Вместо этого обсуждались гуманитарные вопросы, символизирующие примирение двух народов, в частности, организация мемориалов, призванных увековечить память украинцев и поляков, погибших от рук националистов с обеих сторон.

Последующие события, связанные с отказом Януковича от договорных обязательств перед Евросоюзом, поставили точку не только в политической карьере «донецкого выдвиженца», но и в сравнительно спокойном течении польско-украинских отношений. Поначалу могло сложиться впечатление, что в результате учиненного на Украине националистического переворота, «подогретого» союзническими обязательствами Польши, две страны достигнут небывало тесного сближения и практически полного взаимопонимания по всем актуальным вопросам. Ряд польских политиков, проникшись подобной иллюзорной перспективой, даже заговорили о некой «духовной федерации».

Во время кровавых столкновений на киевском Майдане официальная Варшава выступила в поддержку прозападной украинской оппозиции, выразив солидарность с ее требованиями, по крайней мере, с той их частью, которая касалась пресловутого «европейского выбора» Украины. Еще более энергично на защиту майданных активистов встали польские национал-консерваторы из «Права и справедливости», «подпиравшие справа» правительство Дональда Туска. 1 декабря 2013 г. их лидер Ярослав Качиньский посетил Киев с группой единомышленников и выступил перед протестующими на майдане Незалежности, заявив, что «Евросоюз не сомневается, что Украина будет в составе ЕС, и она уже идет по этому пути».¹²

Визит Качиньского стал, безусловно, знаковым событием, показателем кровной заинтересованности Польши и всей Европы в отторжении Украины от России. С другой стороны, он породил волну недовольства

¹² Protesty na Ukrainie. Kaczyński do Ukraińców: jesteście potrzebni UE (<http://www.polskieradio.pl/5/3/Artykul/991587,Protesty-na-Ukrainie-Kaczynski-do-Ukraincow-jestescie-potrzebni-UE>); Kaczyński na Ukrainie: Kontynuuję dzieło brata (<http://www.fakt.pl/jaroslav-kaczynski-na-ukrainie,artykuly,431935,1.html>); Kaczyński na Majdanie: Chcemy kontynuować dzieło mojego brata (<http://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/444599,jaroslav-kaczynski-na-majdanie-w-kijowie-przemawia-do-ukraincow.html>)

польской общественности, возмущенной самим фактом нахождения виднейшего политика страны под красно-черными флагами Украинской повстанческой армии (УПА). Активное участие польских политиков в киевских событиях служит ярким примером их прагматичного подхода к «украинской проблеме». Хотя градус украинского национализма уже явно «зашкаливал», оказавшиеся в Киеве представители право-консервативного лагеря все же предпочли действовать, руководствуясь «стратегическими соображениями».

Такова была ситуация к началу 2014 г. Цепь дальнейших драматических событий, включающих вхождение Крыма в состав России и военные действия на юго-востоке Украины, придала дополнительный мощный импульс «промайданным» настроениям в польском обществе. Вместе с тем после установления на Украине националистического режима, не связанного прежними политическими обязательствами, власти Речи Посполитой начали осознавать уязвимость своих позиций.

Проблема исторического позиционирования «национально ориентированных» кругов соседней «державы», временно заслоненная приоритетностью победы Майдана, не исчезла, а напротив, еще более усугубилась, поскольку по итогам той же «майданной революции» эти круги стали определять лицо украинского политикума. В свою очередь европейский внешнеполитический тренд, настойчиво экстраполируемый и во внутрисоветскую сферу, не мог компенсировать оголтелого шовинизма и вызывающего украиноцентризма нового киевского руководства, что активно не нравилось польской стороне.

Особую досаду Варшавы вызывал даже не сам националистический «крен» Украины, а стиль ее поведения на международной арене. Если раньше украинские власти остро нуждались в поддержке со стороны Польши, то теперь представители «постмайданного» Киева сами изо всех сил стремились встроиться в систему европейских отношений, ничуть не сбавляя градуса шовинизма и демонстративно резко отвечая при этом на польские упреки. В подобных условиях и самым горячим приверженцам «прометеизма», некогда избравшим для себя роль «адвокатов» Украины, а затем свыкшимся с необходимостью выступать в ее пользу перед лицом Евросоюза, было не с руки придерживаться прежней линии, игнорируя неприглядную действительность.

В связи с вышесказанным, достаточно нелепо выглядит риторический вопрос, задаваемый некоторыми представителями украинского медиасооб-

щества: «Что произошло с поляками?».¹³ В сущности, нет оснований говорить о принципиальном изменении польской политики применительно к процессам, происходящим на Украине, по крайней мере, на уровне базовых принципов. Еще задолго до 2014 года в основных чертах обозначилась многовекторная позиция Варшавы, предполагавшая избирательный ситуативный подход к делам восточного соседа. Она подвергалась лишь некоторым колебаниям под воздействием внутриукраинской политической динамики, международной конъюнктуры и конфигурации правящих в Польше сил. С учетом этого обстоятельства невозможно всерьез рассуждать о текущем состоянии польско-украинских отношений, абстрагируя одну группу факторов от другой.

Показательной является ситуация с украинским визитом Б.Коморовского, состоявшимся на следующий год после победы Майдана. Польский президент посетил Киев в разгар своей предвыборной кампании, рассчитывая вновь занять Бельведерский дворец и, несомненно, надеясь, что надлежащим образом поданная тема Украины весьма поспособствует этому. Выступая с трибуны Верховной Рады, он воодушевленно рассуждал об общей истории и близости двух народов, заверял украинских парламентариев в дружбе, солидарности и неизменной поддержке их государства со стороны Польши. Польский президент также озвучил свой излюбленный тезис об ответственности Москвы за разжигание польско-украинской розни.

Одним словом, было сделано буквально все, чтобы оставить самое благоприятное впечатление от визита как у придирчивого польского избирателя, так и у возбужденного украинского обывателя.¹⁴ «Благодарность» украинцев последовала даже раньше, чем ее можно было ожидать в рамках стандартных дипломатических процедур. Едва за высоким гостем закрылась дверь, депутаты Рады демонстративно приняли закон, признающий бойцов УПА «борцами за свободу и возрождение украинской государственности». Для тех, кто оспаривает данное утверждение, законом предусмотрена уголовная ответственность.

После столь вызывающе недружественных шагов украинской стороны дальнейшая деградация отношений Варшавы и Киева оказалась практически неизбежной. А ведь этот демарш был далеко не единственным, дей-

¹³ Что произошло с поляками? 12.08.2016 (<http://argumentua.com/stati/chto-proizoshlo-s-polyakami>).

¹⁴ Wystąpienie Prezydenta RP w Radzie Najwyższej Ukrainy 9.04.2015 (<http://www.prezydent.pl/archiwum-bronislawa-komorowskiego/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wystapienia/art,223,wystapienie-prezydenta-rp-w-radzie-najwyzszej-ukrainy.html>).

ствия националистов на региональном уровне зачастую носили откровенно антипольский характер.

Важным, хотя, очевидно, не главным фактором двустороннего обострения стала перемена политического климата в самой Варшаве. Бывший фаворитом президентской гонки Б.Коморовский уступил кресло оппозиционному кандидату от «Права и Справедливости» Анджею Дуде. В том же 2015 году правые консерваторы одержали решительную победу на выборах в Сейм.

Переход власти к национал-консервативным силам в лице представителей ПиС, которые уже зарекомендовали себя как наиболее жесткие, последовательные и не склонные к компромиссам критики киевского режима, ознаменовал некий «момент истины» в польско-украинских отношениях. Теперь официальная Варшава, в силу собственного возросшего национализма, стала более адекватно воспринимать поборников агрессивного украинства.

Вообще, когда речь заходит о взглядах польских консерваторов на украинские события, наблюдатели довольно часто отмечают слишком очевидные противоречия, существующие между различными уровнями оценок происходящего. Проевропейские и антироссийские выступления украинских политиков, вне зависимости от их партийной принадлежности, рассматриваются в позитивном ключе, как полностью отвечающие польским национальным интересам. Солидаризация происходит на уровне общих базовых представлений о неприятии обеими странами «московского варварства и тирании».

Вместе с тем польско-украинский геополитический «союз» дает явную «трещину», когда сближающий фактор «российской угрозы» отходит на второй план. Повседневная политическая практика украинских национал-радикалов, включающая публичные заявления, лозунги, символику и конкретные действия, оставляет мало места для симпатий польских консерваторов. Даже самые убежденные «друзья Украины» не намерены отказываться от предъявления исторических счетов Киеву, если это соответствует их представлениям о прошлом и будущем Речи Посполитой.

Иначе говоря, любые фактические проявления украинского национализма, избавленные от обязательной привязки к «москвоборческой» парадигме, вступают в довольно жесткий конфликт с глянцевыми сценариями, сулящими Украине европейскую и североатлантическую перспективу при определяющей роли Варшавы. Безусловно, такая противоречивость восприятия в большей или меньшей степени характерна для многих представителей польского политического спектра. И все же консервативный взгляд на

украинскую проблему отличается наиболее рельефным сочетанием выраженной симпатии и подспудной неприязни к соседней державе.

К началу 2016 года комплиментарная составляющая уже в значительной степени «вымылась» из комплекса польских представлений о «братской» Украине. Отметим основные, наиболее значительные вехи, характеризующие дальнейшую динамику двусторонних отношений.

В декабре 2015 года состоялся визит нового президента Польши Анжея Дуды в Киев. За полгода до этого по инициативе польской стороны был отменен полностью согласованный визит главы Украины Петра Порошенко в Польшу, что было связано с болезненной реакцией Варшавы на героизацию боевиков УПА и политический триумф их идейных последователей. Декабрьская встреча двух президентов не затрагивала острые темы, но ее дипломатический формат и не предусматривал этого.

Между тем настроения польской общественности последовательно смещались «вправо» по эмоциональной шкале. Недоумение и раздражение сменялось возмущением, граничащим с яростью, при виде того, как, вместо извинений и покаяния, украинская сторона пыталась оправдать бандеровских преступников либо вовсе настаивала на их исторической правоте. Официальное признание заслуг ОУН-УПА перед украинским государством и внедрение их идей в практику государственного строительства не могло остаться без реакции польских властей. Теперь их уже не сдерживали перспективы европейской ассоциации Украины или соображения геополитического порядка в духе доктрины Гедройца–Мерошевского. Новый состав Сейма, признав ранее принятые резолюции недостаточно последовательными, вновь обратился к теме геноцида поляков в годы Второй мировой войны.

Как и ранее, Киев предпринял определенные усилия, чтобы развернуть ситуацию в свою пользу. В июне 2016 года в Польшу было направлено письмо бывших президентов Украины и глав украинских церквей, содержащее призыв воздержаться от безрассудных политических заявлений по поводу прошлого и сплотиться теснее общим фронтом против «агрессии Москвы». Авторы послания апеллировали к христианской традиции взаимного прощения, принеся собственные извинения, пообещав не помнить причиненного зла и ожидая того же от польской стороны.¹⁵

¹⁵ Українці написали лист покаяння і прощення до польського суспільства, 02 червня 2016 (https://gazeta.ua/articles/life/_ukrayinci-napisali-list-pokayannya-i-proschennya-do-polskogo-suspiilstva/702070).

Подобный акт эпистолярной дипломатии не произвел надлежащего впечатления на адресата. Как указали ответившие на письмо польские депутаты из партии «Право и Справедливость», проблема не в избавлении от груза прошлых обид ради общего будущего, а в общей исторической памяти и в нынешнем отношении Украины к виновникам геноцида поляков. Признавая «героизм» борьбы украинцев против «навязанной советской власти», депутаты отказались считать это оправданием для расправы над польским населением.¹⁶

Такой избирательный подход к «героизму» бойцов УПА не остался без ответа. В ответ на замечания польской стороны, городской совет Киева голосами всех присутствующих депутатов принял решение «пойти навстречу пожеланиям общественности» и переименовать Московский проспект украинской столицы в честь Степана Бандеры. На второй день после произошедшего в Киеве украинский президент Порошенко прибыл с визитом в Варшаву, посетил мемориал жертвам Волынской трагедии и почтил их память. Тем не менее это уже не могло изменить решительного настроя поляков.

В тот же день, 8 июля 2016 г., польский Сенат принял резолюцию с призывом к Сейму признать геноцидом массовые убийства поляков, совершенные украинскими националистами в годы Второй мировой войны. На этот раз Сейм не прибегал к уклончивым формулировкам, и 22 июля 2016 года было принято постановление, согласно которому преступления Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), осуществленные против населения Второй Речи Посполитой в 1943–1945 годах, были квалифицированы как геноцид. Тем же документом 11 июля устанавливался национальный день памяти его жертв.¹⁷

Наверняка «долгожданное» признание геноцида произошло бы и без дополнительных «раздражителей» с украинской стороны, но цепь знаковых событий дает представление о раскручивании спирали взаимной неприязни, причем львиная доля ответственности за это лежит на киевской власти. Основной идеологический посыл принятого решения был сформулирован полгода спустя лидером правящей в Польше партии Ярославом Качиньским и затем повторен официальными представителями Варшавы. Комментируя кризис в польско-украинских отношениях, Качиньский заявил: «Мы не мо-

¹⁶ PiS odpowiada Ukraińcom w sprawie Wołynia, 20.06.2016 (http://www.rp.pl/wolyn_listy).

¹⁷ Sejm Polski 22 lipca rozpatrzy rezolucję w sprawie tragedii wołyńskiej, 22 lipiec 2016 (<https://wschodnik.pl/polska/item/6963-sejm-polski-22-lipca-rozpatrzy-rezolucje-w-sprawie-tragedii-wozynskiej.html>).

жем годами соглашаться на то, чтобы на Украине формировался культ людей, которые по отношению к полякам дошли до геноцида. Я ясно сказал президенту Порошенко, что с Бандерой они в Европу не войдут. Для меня это совершенно ясный вопрос. Мы продемонстрировали огромное терпение, но всему есть границы».¹⁸

Такая постановка вопроса вызывает особую ярость украинской правящей верхушки, превратившей «европейскую перспективу» в политический фетиш и единственный приемлемый образ будущего для своей страны. Поэтому нет нужды упоминать о болезненной реакции официальных структур Украины на решение Сейма и о той озлобленности, с которой оно было воспринято украинскими национал-радикалами.

Следующий раунд «исторического» противостояния Варшавы и Киева относится к концу 2017 – началу 2018 годов. Он стал логическим продолжением «темы геноцида», но имеет более масштабную проекцию в плоскость функционирования украинской политической системы. В декабре 2017 г. президент Польши Анджей Дуда заявил о договоренности, достигнутой в ходе харьковской встречи с Петром Порошенко. Речь шла о «призыве» отказаться от «увековечения и чествования исторических персон, чьи поступки не получили должной оценки научных экспертов».¹⁹ В переводе с дипломатического языка это означало согласие Киева на определенные ограничения в «отправлении бандеровского культа».

Судя по всему, дальше «призыва» дело не пошло, поскольку 26 января 2018 года польский Сейм принял пакет поправок к закону об Институте национальной памяти Польши, вводящих уголовную ответственность за отрицание факта Волынской резни и пропаганду бандеровской идеологии. Принятый документ дает определение преступлениям украинских националистов и украинских формирований, сотрудничавших с Третьим рейхом, за отрицание которых вводится ответственность. Таковыми является «участие в уничтожении еврейского населения и геноциде граждан Второй Речи Посполитой на территории Волыни и Восточной Малопольши». Характерно, что парламентарии не ограничились рамками Волынской резни – ту же «юридически обязывающую» трактовку получили все «действия, совершен-

¹⁸ Kaczyński do Ukraińców: "Z Bandera do Europy nie wejdziecie". I wiesz czy kolejny "pucz", 8.02.2017 (<http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114871,21345537,kaczynski-o-wejsciu-ukrainy-do-ue-z-bandera-do-europy-nie.html>).

¹⁹ Wypowiedź Prezydenta RP dla mediów po spotkaniu z Prezydentem Ukrainy w Charkowie, 13 grudnia 2017 (<http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/art,337,wypowiedz-prezydenta-rp-dla-mediow-po-spotkaniu-z-prezydentem-ukrainy-w-charkowie.html>).

ные украинскими националистами в 1925–1950 годах, заключающиеся в применении насилия, террора или других форм нарушения прав человека против индивидов или групп людей, а особенно против польского населения».²⁰

МИД Украины отреагировал на польский закон традиционным образом, заявив о своей глубокой обеспокоенности. «Досадно, что украинская тематика в очередной раз используется во внутренней политике в Польше, а трагические страницы совместного исторического прошлого продолжают политизироваться. Категорически не воспринимаем очередную попытку навязать одностороннюю трактовку исторических событий, в т.ч. некорректного использования в официальном документе Республики Польша названия части территории современной Украины», – говорится в заявлении украинского внешнеполитического ведомства.

Следуя тексту заявления, украинская дипломатия рассчитывала, что Сенат Польши проявит «политическую мудрость» относительно вопросов, способных негативно повлиять на развитие двусторонних отношений.²¹ Тем не менее через три дня после голосования в Сейме закон, запрещающий пропаганду «бандеровской идеологии», был принят Сенатом, а затем подписан президентом Польши.

Важно также отметить, что Анджей Дуда весьма нелицеприятно высказался о позиции украинской стороны по вопросам, принципиальным для польской исторической памяти. Речь, в частности, шла об эксгумации останков поляков, погибших от рук украинских националистов. Президент Польши выразил «большое сожаление и разочарование» фактическим провалом переговоров, посвященных данной проблеме, возложив всю ответственность на представителей Киева и особо подчеркнув, что тема эксгумации являлась одной из основных при встрече с Порошенко в Харькове. Тем самым официальная Варшава на самом высоком уровне обвинила Украину в саботировании достигнутых договоренностей, указав на недопустимость по-

²⁰ USTAWA z dnia 26 stycznia 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, ustawy o grobach i cmentarzach wojennych, ustawy o muzeach oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary ([http://orka.sejm.gov.pl/opinie8.nsf/nazwa/771_u/\\$file/771_u.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/opinie8.nsf/nazwa/771_u/$file/771_u.pdf)).

²¹ Коментар МЗС України щодо ухвалення Сеймом проекту Закону про Інститут національної пам'яті Республіки Польща, 26.01.2018 (<http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/8435-komentar-mzs-ukrajini-shhodo-uhvalennya-sejmom-projektu-zakonu-pro-institut-nacionalnoji-pamjati-respubliki-polyshha>).

добного поведения.²² Не менее чувствительным ударом по национальному украинскому самолюбию стал вступивший в действие закон, запрещающий въезд в Польшу гражданам Украины с антипольскими взглядами.

Последние шаги, предпринятые польской стороной, со всей очевидностью свидетельствуют: Варшава не намерена ограничиваться полумерами в стремлении вынудить Киев существенно скорректировать официальную идеологию страны. Можно сколь угодно долго обвинять польские власти, констатируя вмешательство во внутренние дела Украины, или твердить о провале украинской внешней политики, как это делают национал-радикалы из партии «Свобода». И то и другое, в сущности, правда. Но правда также и в том, что Украина проводит историческую политику, ища источники своей идентичности в «преступных формированиях и преступной идеологии украинского интегрального национализма», который «захватывает все сферы общественной и публичной жизни».²³

Подобные выводы, сделанные авторами польского «антибандеровского» закона, вне зависимости от имевшихся у них политических соображений, устанавливают довольно точный диагноз происходящего в «незалежной». Всего пять лет назад под приведенным высказыванием могло бы подписаться немало украинцев. За столь недолгий срок многое изменилось. Будущее страны зависит от того, насколько ее граждане восприняли, либо готовы воспринять предложенную модель идентичности.

* * *

Основной вывод из всего сказанного состоит в том, что постепенный и планомерный отход от доктрины Гедройца–Мерошевского, начатый Варшавой еще в конце первого десятилетия текущего века, вступил в решающую стадию после событий «майданной революции» и в настоящий момент, видимо, близок к своему завершению.²⁴ Данная концепция, не особенно эффективно показавшая себя в отношении Белоруссии и Литвы, окончательно

²² Prezydent: jestem rozczarowany, że temat ekshumacji nie został podjęty przez stronę ukraińską, 17.02.2018 (<http://dzieje.pl/aktualnosci/prezydent-jestem-rozczarowany-ze-temat-ekshumacji-nie-zostal-podjety-przez-strone>).

²³ USTAWA z dnia 26 stycznia 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, ustawy o grobach i cmentarzach wojennych, ustawy o muzeach oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary ([http://orka.sejm.gov.pl/opinie8.nsf/nazwa/771_u/\\$file/771_u.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/opinie8.nsf/nazwa/771_u/$file/771_u.pdf))

²⁴ «Konieczne są plany. Konkretnie propozycje dla polskiej polityki wschodniej» (Kresy.pl, 16.12.2013).

«сломалась» при столкновении с реалиями украинского государственного проекта, который первоначально спонсировался именно в соответствии с доктринальными основами польской внешней политики, теоретически заложенными Ежи Гедройцем. Сколько ни старались теоретики «компенсационного» подхода «изъять» прошлое из актуальных проблем современной внешней политики, оно возобладало в польско-украинских отношениях.